



ЛЕНИНЦУ  
Г. Уфа  
10 ИЮН 1977

# ИСТОКИ ДОБРОТЫ

У него добрые, в буквальном смысле лучащиеся теплотой карие глаза, с ослепительными черными зрачками. Этот высокий и стройный мужчина с отточенным лицом бесхитрошно добр и мягок в душе.

Чтобы написать портрет Хисбуллы Зубайдуллина, надо было бы перелистать страницы его биографии. Начать с того, как он впервые выступил в самостоятельности профтехучилища в Ишимбае, затем перебрался в Уфу, был зачислен в состав ансамбля народного танца... Затем—поездки, поездки, каждая из которых отмечена неповторимыми событиями. Но тогда надо было бы писать историю ансамбля, с которым неразрывно связана судьба Хисбуллы. Правда, были у него и сольные выезды за границу, например, в Канаду, на ЭКСПО, где он танцевал перед монреальцами экзотический танец «Журавлиная песнь» в одном отделении с Махмутом Эсанбаевым...

Впрочем, посмотрите на фотоснимки артиста и вам сразу станет виден клубок его жизни, сплетенный из широт и меридианов нашей планеты.

Но, разумеется, не поездки определяют лицо артиста. Его определяет творчество.

— У меня мать играла на курае,—сказал как-то Хисбулла.

— Как мать?—не поверил я.—Разве так бывает?

— У нее было... Она нам отца заменяла, и очень хорошо играла народные мелодии. Я любил ее слушать.

И тогда я подумал: а не тут ли исток его доброты, которую вспоила музыка, помноженная на материнскую любовь, и которой артист учит других?

Впрочем, на сцене Хисбулла совершенно другой. Там с него можно писать монументальную фигуру легендарного батыра. Особенно когда он исполняет «Танец охотника». Уже первый его выход производит впечатление: стройный и сильный человек в роскошном национальном костюме стремительно выбегает на сцену и вдруг замирает на месте, очарованный открывшейся перед ним картиной. Мир красок, звуков и запахов распахивается перед ним, и он, околдованный этим видением, не может преодолеть охватившего его оцепенения. Но постепенно, по-охот-

ничьи мягко и вкрадливо, начинает он свое вступление в мир красоты...

В этом танце Зубайдуллин щедро выплескивает почти все лучшее, чем живо его искусство: и отточенность танцевального шага, и координацию тела, и богатую внутреннюю энергию... Охотник Зубайдуллин—это живая и органическая частица природы, одно из удивительных ее проявлений, он весь—от нее, но и резко ей противопоставлен.

Много лет танцует Хисбулла этот замечательный танец, воплощающий мужество, достоинство, лиризм. Именно эти черты характерны для творческого почерка артиста. Разумеется, в каждом танце преобладает какая-то одна черта, находя полное свое выражение. Так, в танце «Дружба» Хисбулла Зубайдуллин и Рауля Хазиева создают пронизанный светом и музыкой дуэт, окрыленный нежностью чувств и чистотой любви. В «Женях»—Хисбулла само воплощение недалекого и самодовольного парня дореволюционной поры, живущего вековыми законами своего мещанского окружения. В «Северных змурах»—он строгий и решительный русский офицер, воплощающий в себе мужество и благородство...

Каждый танец, в котором участвует Хисбулла Зубайдуллин, окрашен особыми красками и тонами и воспринимается зрителем с огромным энтузиазмом.

Двадцать лет на сцене, в стихии танца! Он начинал, что говорится, зеленым юношей. Но и теперь каждый жест его, каждый шаг полны молодой энергии и силы. Хисбулла собирается перейти в отдельную бригаду и танцевать сольные танцы. Жалко расставаться с ансамблем, с которым связано столько лет настоящего творческого горения, в котором он нашел свое становление как артиста. Но расставание с ансамблем не означает расставания с танцевальным искусством. Зрители увидят его в новом амбула, и хочется пожелать танцору счастья на этом пути.

Ш. ХАФИЗОВ.

НА СНИМКАХ—танцует Х. Зубайдуллин.

Фото Р. ГАРЕЕВА.